

„Раннее Утро“, г. Москва.
1910. 14 февраля.

Болѣзнь В. О. Коммиссаржевекой.

„Рѣчь“ приводитъ письмо изъ Ташкента, посланное за 4 дня до смерти В. О. Коммиссаржевекой.

„Печальны были послѣдніе дни пребывания въ Туркестанскомъ краѣ петербургскаго драматическаго театра. Въ труппѣ появилась эпидемія натуральной оспы. Одинъ за другимъ заболѣли 5 артистовъ, а 28 января—В. О. Коммиссаржевская.

Къ великому огорченію, болѣзнь ея сразу приняла очень тяжелую форму. Здоровый отъ природы организмъ В. О., видимо, оказывалъ вначалѣ сильнѣйшее противодѣйствіе оспенному заболѣванію, но, разъ болѣзнь побѣдила, послѣдствія ея обнаружились съ наибольшей быстротою и чувствительностью. Температура первыхъ дней непрерывно повышалась, доходя до 40° слишкомъ. Большую страшно лихорадило, одолевалъ мучительный бредъ, безпамятство. Полная потеря силъ заставляла опасаться за ея жизнь, или же ждать роковыхъ осложнений.

Трудно передать все то, что испытала подъ впечатліемъ страшнаго развитія болѣзни В. О. небольшая, тѣсно сплотившаяся и заброшенная на чужбину труппа интеллигентныхъ работниковъ. Но если добавить, что въ наиболѣе острый моментъ всеобщаго подавленнаго настроенія мѣстный врачъ вдругъ высказалъ подозрѣніе, что другой товарищъ по труппѣ заболѣлъ, можетъ-быть, не натуральной, а черной оспой,—легко себя представить, какъ всю труппу, и больныхъ, и здоровыхъ, обьялъ жестокой и цѣпко-животный паническій ужасъ. И все это происходило не гдѣ-нибудь въ коренной русской провинціи, а на чуждой окраинѣ, здѣсь, въ Ташкентѣ, откуда до Москвы добраться можно лишь на пятны сутки. Къ счастью, предположеніе врача въ дѣйствительности не подтвердилось. Почти у всѣхъ заболѣвшихъ актеровъ натуральная оспа оказалась даже въ легкой формѣ. Вслѣдъ за этимъ и В. О. стало немного лучше, кризисъ прошелъ, наибольшая опасность миновала.

Въ настоящее время, 6 февраля, болѣзнь В. О. протекаетъ совершенно нормально, самочувствіе значительно окрѣпло. В. О. находится на частной квартирѣ, удобной и тихой. Уходъ за больной идеальный.

По мнѣнію извѣстнаго здѣшняго врача М. И. Слонима, пользующаго В. О., для полнаго выздоровленія необходимо 6 недѣль. Въ этотъ періодъ болѣзнь должна пройти совершенно, не оставивъ за собою никакихъ слѣдовъ.

Причину повальныхъ заболѣваній въ труппѣ оспою мѣстные врачи объясняютъ не посѣщеніемъ Ташкента, гдѣ нѣтъ теперь острой эпидеміи, а посѣщеніемъ гор. Самарканда, главнымъ образомъ—его сартскаго базара. Дѣйствительно, 4 дня въ Самаркандѣ были полнымъ увлеченіемъ всей труппы оригинальной красотой восточнаго базара. Для европейца самаркандскій базаръ—зрѣлище исключительное, хотя-бы потому, что колоритъ восточной жизни сохранился въ немъ съ поразительной цѣлностью.

И вотъ, съ утра до вечера прѣхавшая труппа артистовъ пропадала на сартскомъ базарѣ, разоряясь на бухарскіе халаты, чалмы, матеріи, ткани и старинныя украшенія. Беззаботно и весело было всѣмъ. И кто могъ ожидать, что за это увлеченіе азиатщиной придется такъ жестоко расплачиваться.

Недавно прѣхавшій изъ Ташкента артистъ Аркадьевъ, товарищъ покойной В. О. Коммиссаржевекой, передаетъ о нѣкоторыхъ предчувствіяхъ бѣды, охватившихъ ее незадолго до смерти.

Какъ всѣ артисты, Вѣра Феодоровна была нѣсколько суевѣрна и обращала вниманіе на примѣты.

— Не кончится эта поѣздка добромъ,—часто говорила она.

Послѣ одного случая въ Самаркандѣ она стала убѣждать всѣхъ, что ея ждетъ несчастье. Вѣра Феодоровна жила въ Самаркандѣ въ гостиницѣ рядомъ со своимъ режиссеромъ, Зоновымъ. Какъ-то ночью въ номерѣ у Зонина отъ неизвѣстной причины лопнуло и развалилось пополамъ стоявшее на письменномъ столѣ большое зеркало.

— Кто-нибудь умретъ!—воскликнула Вѣра Феодоровна.

Въ первые три дня, несмотря на очень тяжелую форму болѣзни, она, какъ передаютъ „Бирж. Вѣд.“, была въ полномъ сознаніи и послала нѣсколько телеграммъ въ Петербургъ знакомымъ и родственникамъ съ просьбой молиться о ней.

— Молитесь о Вѣрохѣ, боюсь, что умру,—телеграфировала Вѣра Феодоровна.

Кромѣ матери, у нея остались братъ, Феодоръ Феодоровичъ, и вторая сестра, Надежда Феодоровна Гайдебурская, по сценѣ Снарская, живущая въ Петербургѣ, и младшая сестра, Ольга Феодоровна,—въ Парижѣ, посвятившая себя скульптурѣ.

Вчера братъ В. О. Коммиссаржевской получилъ нѣсколько телеграммъ по поводу слѣдованія тѣла В. О. въ Россію. На всѣхъ станціяхъ устраиваются грандіозныя встрѣчи и служатся панихиды. Число вѣнковъ огромное. Остановка въ Москвѣ предполагается въ теченіе сутокъ. Въ Петербургъ печальный кортежъ прибудетъ 20 февраля, утромъ. Недалеко отъ Николаевскаго вокзала предположено временное помѣщеніе, гдѣ будутъ сложены стекающіеся отовсюду вѣнки. Въ настоящее время родственникамъ ведутся переговоры о погребеніи въ Александро-Невской лаврѣ.

Вчера были отслужены въ разныхъ мѣстахъ панихиды по В. О. Особенно многолюдная панихида была въ Казанскомъ соборѣ.

Утро о Коммиссаржевекой.

Красивымъ по тону вышло вчера въ Художественномъ театрѣ, такъ сказать, заупокойное по В. О. Коммиссаржевекой утро.

Дальняя стѣна фойѣ была обита чернымъ бархатомъ. На немъ—портретъ Вѣры Феодоровны. Внизу подъ портретомъ—букетъ пѣтловъ.

Направо, у окна—столикъ для ораторовъ. Надъ нимъ тоже на черномъ бархатѣ—красиво брошенный пучокъ розъ.

Открылъ утро Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Онъ указалъ на то, что духовенство отказалось служить панихиду по В. О. Коммиссаржевекой въ фойѣ театра.

Предложилъ почтить память покойной вставаніемъ.

Всѣ встали.

Хоръ Художественнаго театра пропѣлъ „Вѣчную память“ и „Со святыми упокой“.

Послѣ этого Вл. И. Немировичъ-Данченко предложилъ присутствовавшимъ подѣлиться воспоминаніями о покойной.

Первымъ откликнулся на это предложеніе маститый П. Д. Воборыкинъ.

Онъ указывалъ на то, что страданіе можетъ выковать артистическій темпераментъ. В. О. удовлетворяетъ этому идеалу вполне. Она ушла на сцену отъ жизни. Отъ драмы въ личныхъ переживаніяхъ. Наиболѣе характерной чертой покойной ораторъ считаетъ—исканіе. Она всегда горѣла. Всегда искала. Никогда не останавливалась.

Слѣдующимъ говорилъ А. И. Юкинъ. За нимъ Н. Е. Эфросъ, подѣлившійся впечатлѣніями о В. О., какъ о человѣкѣ.

Н. В. Туркинъ вспомнилъ о первыхъ шагахъ покойной въ Новочеркасскѣ.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ!

Позвольте обратиться черезъ вашу уважаемую газету къ сотрудникамъ и сотрудницамъ театра В. О. Коммиссаржевской сезона 1909 г., съ просьбой почтить ея память возложеніемъ вѣнка при слѣдованіи тѣла черезъ Москву. За справками обращаться въ школу Пельцера отъ 1—8 веч., кромѣ праздниковъ (Тверская, Постниковъ пассажъ, кв. 95).

Сотрудники сезона 1909 года.

В. Н. Сухановъ, С. И. Илимовъ и Ф. Ф. Телицынъ.